



Письмо къ читателямъ.

Жизнь—едина и непреходяща. Внѣшнія формы, въ которыя жизнь облакается, разнообразны и подлежатъ уничтоженію, когда цѣль ихъ проявленія исполнена. Цѣль эта—служить развитію жизни—сознанія, конечная суть и высшее выраженіе котораго есть чело-вѣческая совѣсть.

Теофилъ. пониманіе Жизни и Формы.

Въ 284-мъ номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 7-го декабря, 1908 г. помѣщена статья Льва Николаевича Толстого, написанная по поводу присоединенія Босніи и Герцоговины къ Австріи, но ничего общаго съ политикой не имѣющая. Въ этой статьѣ Л. Н. объясняетъ всѣ тяжелыя переживанія европейскихъ народовъ отсутствіемъ у нихъ высшаго религіознаго сознанія; признавъ религію совѣмъ ненужной для челоуѣка, большинство европейцевъ осталось безъ „всякаго религіознаго объясненія своей жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія“. И хотя сознанный уже законъ любви все еще не принятъ людьми за норму поведенія, но и старый законъ насилія однихъ надъ другими отжилъ и отвергается сознаніемъ большинства. Отсюда вся трудность современнаго положенія, и устранить всѣ бѣдствія, отъ которыхъ стонутъ современные народы, можно только однимъ: „самымъ естественнымъ, самымъ свойственнымъ челоуѣку и легкимъ дѣломъ, даже не дѣломъ, только состояніемъ воздержанія, недѣланья поступковъ, противныхъ сознанію“. Какъ этого достигнуть? „Жить по закону Божескому, а не по закону челоуѣческому... подчиняться одному закону любви, который даетъ высшее благо какъ каждому отдѣльному челоуѣку, такъ и всему челоуѣчеству. Только сознаніе людьми въ себѣ высшаго духовнаго начала и вытекающее изъ него сознаніе своего истиннаго челоуѣческаго достоинства могутъ освободить и освободятъ людей отъ порабощенія одними другихъ. И сознаніе

это уже живеть въ челоѣчествѣ и всякую минуту готово проявиться“. Такъ кончаетъ Л. Н. свою статью. Въ томъ же номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей“, редакція помѣстила свои примѣчанія къ статьѣ Л. Н.; замѣтка составлена въ очень хорошемъ тонѣ и, несмотря на краткость и случайность ея, она рядомъ со статьѣй Л. Н. представляетъ большой интересъ, ярко выражая, что передъ нами стоятъ представители двухъ противоположныхъ полюсовъ современнаго сознанія, матеріалистическаго позитивизма и религіознаго идеализма.

Когда я прочелъ статью Л. Н. и замѣтку редакціи „Р. Вѣдомостей“, передъ моимъ воображеніемъ ярко выступила такая символическая картинка: въ домѣ съ двумя большими окнами, которыя выходятъ на двѣ противоположныя стороны, живутъ два челоѣка, оба умные, наблюдательные и искренніе, но каждый изъ нихъ смотритъ круглый годъ въ *свое* окно и только изрѣдка заходитъ на короткое время къ сосѣду и въ эти минуты смотритъ и въ его окно. Глядя въ противоположныя стороны, они и видятъ разное. Изъ одного окна видны дали океана и небесъ и на переднемъ планѣ одинокая гора, обвѣянная свѣжимъ воздухомъ вершинъ; на горѣ—церковь, и къ ней по крутой тропинкѣ поднимаются люди въ тихомъ и серьезномъ настроеніи. Глядящій въ *это* окно всматривается въ нихъ и въ небесныя зѣри или звѣздное небо, и до него доносятся лишь голоса изъ Вѣчности.

Другой жилецъ видитъ изъ *своего* окна совершенно иную картину: огромную, кипучую шумною жизнью площадь большого промышленнаго города, на которую выходятъ всевозможные фасады фабрикъ и музеевъ, казармъ и тюремъ, и на площади идетъ сложная и пестрая суета; люди спѣшатъ, толкаются, маршируютъ, занимаются торговлей, ссорятся, перегоняютъ другъ друга. Отъ этой пестрой картины въ открытое окно доносятся оглушительные шумы экипажей, свистки и громыханье паровозовъ, рѣзкіе звуки военной музыки, выкрикиванье торгующихъ, говоръ толпы, а иногда крики и стоны задавленныхъ...

Обѣ картины вызываютъ совершенно различныя настроенія въ душѣ того и другого челоѣка, и когда оба заглядываютъ изрѣдка въ чужое окно, они видятъ совершенно различно. Одинъ, заглянувъ въ окно сосѣда на оглушительно-пеструю площадь, удивляется—зачѣмъ все это, и находитъ, что совсѣмъ не *это* важно и нужно для счастья челоѣка. Другой, съ полнымъ основаніемъ, указываетъ на поразительный „прогрессъ во всѣхъ областяхъ частнаго быта и политическаго строя, на развитіе наукъ и

искусствъ, на широкое распространеніе просвѣщенія, на стремленіе къ поднятію народнаго благосостоянія“ и т. д. и т. д. Но то, что для него—суть всего жизненнаго творчества, то для другого лишь временныя явленія, не имѣющія вѣчной цѣнности, а что для этого другого—главное, то для перваго—неосуществимая мечта. Одинъ видитъ разнообразіе явленій, другой—единство цѣли; одинъ смотритъ въ настоящее и прошедшее, другой въ будущее и вѣчное; одинъ анализируетъ, другой обобщаетъ, у одного работаетъ земной разумъ, у другого—интуиція.

А когда оба заговорятъ, даже на протяженіи небольшой бесѣды, укладывающейся въ газетной статьѣ, сколько противоположныхъ выводовъ!

„Человѣкъ“, по мнѣнію того, который смотритъ на шумную площадь, „есть обобщеніе, идея, а не реальность; въ дѣйствительности, мы не знаемъ человѣка внѣ извѣстной расы, народности, эпохи, культуры, не знаемъ духа, который былъ бы внѣ плоти, внѣ условій наслѣдственности и темперамента“....

„Только одно реально: человѣкъ, жизнь человѣка“—говоритъ смотрящій на далекіе горизонты; „государство есть фикція... Ученіе Христа открываетъ человѣку такое его назначеніе и благо, которыя не могутъ измѣняться соотвѣтственно какимъ-либо внѣшнимъ учрежденіямъ“...

„Общественное служеніе невозможно безъ борьбы“—говоритъ одинъ.

„Не противься насилию насиліемъ“—говоритъ другой.

„Стремленія человѣка должны быть многообразны и сложны, какъ сложна сама жизнь“ говоритъ первый.

„Всѣмъ нужно только одно: жить по закону божескому, а не по закону человѣческому“ говоритъ второй.

„Отсутствіе религіознаго сознанія за послѣднее столѣтіе привело людей христіанскаго міра къ тому—несомнѣнно временному дикому состоянію, въ которомъ они находятся теперь“—говоритъ первый, заглянувъ въ чужое окно, выходящее на шумную площадь.

„Наоборотъ, именно съ конца XVIII-го вѣка европейское человѣчество выступило активно на путь осуществленія религіозныхъ идеаловъ и признанія человѣческаго достоинства, что и выразилось въ признаніи правъ человѣка и гражданина, въ измѣненіи политическаго строя“ и т. д. и т. д.—говоритъ другой, не отрываясь отъ своего окна и взглядывая на зданіе парламента.

И такъ бесѣда могла бы продолжаться бесконечно, и характеръ ея оставался бы неизмѣннымъ: собесѣдники продолжали бы не понимать одинъ другого, потому что ихъ вниманіе направлено на два противоположные полюса жизни, у одного—на духъ, у другого—на форму, у одного—на средства, у другого—на цѣль, у одного—на мотивъ дѣятельности, у другого—на самую дѣятельность.

Неужели такое непониманіе неизбѣжно? Неужели нельзя соединить оба полюса въ единомъ сознаніи? Что это возможно, о томъ свидѣтельствуетъ вся духовная жизнь древне-арійскихъ народовъ; они не знали нашего раскола сознанія, ихъ міропониманіе охватывало весь кругъ жизни: и духъ и форму, и религію и науку. Но то было—дѣтство и ранняя юность человѣчества, когда подчиненіе духовному авторитету было неизбѣжно; когда же юность человечества миновала и пришла пора для самостоятельнаго развитія, тогда явилась необходимость пройти черезъ трудную школу независимаго умственного и духовнаго творчества. Подчиненіе авторитету смѣнилось развитіемъ индивидуальности, яркое личное начало выступило на первый планъ, освободившееся сознание все болѣе расширяло предѣлы личнаго опыта, и прежнее единство сознанія нарушилось. Произошелъ временный расколъ, который и придалъ европейской мысли ея настоящій характеръ страстно-тревожнаго исканія истины и внесъ грубо эгоистическое направленіе въ ея культуру, не сдерживаемую высшимъ авторитетомъ религіознаго сознанія. Но это—явленіе временное. Когда человечество достигнетъ совершенной зрѣлости, сознание его опишетъ полный кругъ и неизбѣжно вернется къ той же цѣльности и единству, которыми оно владѣло на зарѣ своего развитія. Но тогда это будетъ уже плодъ самостоятельнаго творчества, добровольнаго подчиненія свободно сознанный духовной истинѣ. И есть уже знаменья, что время такого возврата наступаетъ. Одно изъ такихъ знаменій—появленіе въ міръ Теософіи, ученія которой обнимаютъ оба полюса сознанія, примиряя ихъ и выясняя ихъ взаимное отношеніе.

Въ основѣ теософическаго объясненія міроваго процесса лежитъ ученіе объ эволюціи *духа* и *матеріи*, или жизни и формы, совершающейся по спирали, которая при каждомъ оборотѣ поднимается на высшій планъ жизни, съ болѣе широкимъ обхватомъ сознанія. Владѣя одновременно и религіозной точкой зрѣнія и научной, Теософія соприкасается и съ позитивнымъ мышленіемъ и съ задачами идеализма. Въ пониманіи цѣлей міроваго процесса

Теософія подходит близко къ міровоззрѣнію Льва Николаевича, который видитъ эту цѣль во внутреннемъ совершенствованіи, въ раскрытіи божественныхъ свойствъ человѣческой души. Но въ путяхъ этого процесса она подходит и къ воззрѣніямъ позитивиста, ибо для проявленія растущаго духа должны возникать и новыя, все болѣе совершенныя формы, а это требуетъ земного творчества. И поэтому вся человѣческая культура, во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, есть необходимое условіе для внутренняго роста человѣка. И если нельзя не согласиться съ праведнымъ гнѣвомъ Льва Николаевича на темныя стороны современной культуры, не нужно забывать и того, что зло вовсе не въ культурѣ, а въ томъ душевномъ настроеніи людей, которые дѣлаютъ изъ человѣческаго творчества не служеніе общему благу, а служеніе своему личному эгоизму и жадности, которые превращаютъ человѣческое творчество изъ средства въ цѣль жизни, изъ подчиненнаго орудія духа въ полновластнаго властелина жизни. Возьмемъ желѣзныя дороги и телеграфы. Они могутъ служить развращенной праздности и нарастанію ненужной роскоши, но вѣдь они же могутъ служить и единенію людей, т. е. тому, что съ точки зрѣнія Л. Н. и является наиболѣе цѣннымъ явленіемъ человѣческой жизни.

То же самое относится и ко всѣмъ областямъ современной культуры: пока она служитъ общему развитію и единенію, она—благо, когда же она начинаетъ служить эгоизму и разъединенію, она—зло. И борьба съ этимъ зломъ должна быть направлена не противъ самой культуры, а противъ настроенія людей, противъ направленія, которое они даютъ ей. Самое же творчество должно неизбѣжно становиться все интенсивнѣе и разностороннѣе, иначе оно не будетъ въ состояніи служить выразителемъ растущаго духа и расширяющагося сознанія.

Сложныя и разнообразныя линіи человѣческаго творчества можно сравнить съ извилинами человѣческаго мозга: чѣмъ обширнѣе становится поверхность нервнаго вещества, соприкасающагося съ вибраціями мысли, тѣмъ совершеннѣе становится орудіе сознанія. Но будетъ ли это совершенное орудіе создавать чистыя и прекрасныя мысли, или строить злыя козни—это зависитъ не отъ орудія мысли, а отъ настроенія самого мыслителя. И изъ того, что мыслитель можетъ быть дурно настроенъ, вовсе не слѣдуетъ, что орудіе мысли должно оставаться на несовершенной ступени.

То же и съ культурой. Когда человѣкъ пойметъ то, чего такъ сильно желаетъ Левъ Николаевичъ, что „въ немъ и во всѣхъ

людяхъ живетъ одинъ и тотъ же вѣчный духъ Божій—и что проявленіе этого духа одно: любовь“, тогда и культура перестанетъ давать поводъ для проявленія духа распри и зависти, борьбы и насилія и сдѣлается прекраснымъ проводникомъ духа единства и любви.

Но осуществленіе этого потребуеъ еще долгаго процесса и не можетъ появиться *сразу*, какъ того желаетъ Л. Н.: „только сознай каждый человѣкъ свое человѣческое достоинство, только поступай такъ, какъ требуютъ этого и сердце и разумъ каждаго человѣка-христіанина, и сразу разрѣшатся всѣ затрудненія и бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта“. Не можетъ это случиться сразу потому, что внезапное измѣненіе различныхъ людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ опыта, сознанія и совѣсти, противорѣчитъ самой сути закона эволюціи, которая есть *постепенный переходъ отъ простаго къ сложному, отъ несовершеннаго къ совершенному*. Ясное сознаніе меньшинства можетъ сильно ускорить поднятіе всѣхъ,—это несомнѣнно, но подняться со всѣхъ различныхъ ступеней *всѣмъ сразу* на одну и ту же высоту,—это невозможно.

Теософія уже внесла въ европейское сознаніе идею перевоплощенія и она даетъ ученіе, нисколько не противорѣчащее наукѣ и вполне удовлетворяющее запросамъ разума—ученіе о постепенномъ развитіи человѣческой души путемъ многочисленныхъ существованій на землѣ, во время которыхъ разнообразныя столкновенія съ природой и съ людьми заставляютъ человѣка развивать свое сознаніе и свою совѣсть.

Возвращаясь къ двумъ противоположнымъ полюсамъ мышленія, которые такъ ярко выразились въ приведенной бесѣдѣ, пробуемъ найти связующее звено, которое соединило бы съ виду исключаютія одно другое положенія.

„Человѣкъ есть обобщеніе, идея, а не реальность“.

Если принять, что весь человѣкъ *только* продуктъ среды и наслѣдственности, этотъ выводъ будетъ вѣренъ: отнимая отъ человѣка, одно за другимъ, всѣ отличительные признаки расы, культуры, народности и семьи, мы получимъ пустое мѣсто, фикцію. Но если мы усомнимся въ этомъ „*только*“ и предположимъ въ основѣ человѣка безсмертную душу, развитіе которой до божественнаго совершенства и составляетъ цѣль всей земной жизни, слѣдовательно и культуры, и государства и всего, что возникаетъ и погибаетъ на землѣ, тогда мы подойдемъ очень близко къ выводу Льва Николаевича: „только одно реально—человѣкъ... госу-

дарство есть фикція“. Если же принять оба вывода, какъ выраженіе двухъ сторонъ одного и того же явленія, т. е. *проявленной жизни*, третій выводъ, заключающій въ себѣ оба первые, будетъ приблизительно такой: „человѣкъ, *реальность съ непреходящимъ содержаніемъ*, становится таковымъ *только* потому, что всѣ преходящія явленія земной жизни, какъ: семья, народность, родина, государство, доставляютъ ему, рядомъ съ природой, весь тотъ матеріалъ, которымъ питается и насчетъ котораго растеть его бессмертная душа; переходя въ вѣчное содержаніе человѣческой души, всѣ преходящія явленія становятся, въ свою очередь, бессмертными *не какъ явленія, а какъ идеи*. Одно безъ другого невозможно, и поэтому, если человѣческая душа реальна, то и всѣ явленія, поскольку они вошли въ содержаніе ея сознанія, тоже реальны“.

Возьмемъ два другія положенія:

„Общественное служеніе невозможно безъ борьбы“,—говоритъ одинъ.

„Не противься насилію“,—говоритъ другой.

Если мы начнемъ разсматривать различные ступени человѣческаго развитія, отъ дикаря до мудреца, мы, несомнѣнно, подойдемъ и къ той ступени, на которой всякая борьба, всякая тѣнь насилія надъ другимъ становится зломъ. На *этой* ступени жизнь человѣка преобразается: онъ начинаетъ отвѣчать на зло добромъ, на насиліе прощеніемъ, и если признаетъ борьбу, то только съ собой, съ своимъ собственнымъ несовершенствомъ; для человѣка, стоящаго на этой ступени, наша общественная жизнь, основанная на борьбѣ, должна несомнѣнно казаться „состояніемъ дикости“, какою она и будетъ казаться всѣмъ, когда всѣ перейдутъ на ту же ступень нравственнаго сознанія.

Но рядомъ съ этой ступенью продолжаютъ существовать и низшія ступени, на которыхъ люди еще не въ состояніи не бороться съ несовершенствомъ другихъ; есть и еще болѣе низкія ступени, на которыхъ борьба является почти единственнымъ стимуломъ для дѣятельности. И пока всѣ эти ступени еще существуютъ, борьба будетъ продолжаться, но оцѣнивать ее какъ норму человѣческой жизни не слѣдуетъ: борьба—временное явленіе, которое съ полнымъ возрастомъ человѣческой совѣсти упразднится сама собой, ибо законъ жизни—любовь, а не ненависть, единеніе, а не борьба, и для вполне развитой совѣсти допустима только одна борьба: съ своимъ собственнымъ несовершенствомъ. Это—святая борьба, и она будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока

не исполнится завѣтъ Христа, сказавшаго людямъ: „будьте совершенны какъ Отецъ вашъ небесный“.

Тотъ же анализъ приложимъ и ко всѣмъ кажущимся противорѣчямъ приведенной бесѣды.

Оба собесѣдника видятъ разное только потому, что вниманіе одного устремлено на видимыя явленія, а другого—на душу этихъ явленій, и поэтому совершенно естественно, что первый говорить съ чувствомъ удовлетворенія о великомъ прогрессѣ нашего времени, а второй—съ болью и скорбью о нашемъ „временномъ состояніи дикости“.

И когда они заговариваютъ о религіи, продолжается то же недоразумѣніе: одинъ говоритъ о видимой церкви, другой—о невидимой, созидаемой въ душѣ человѣка; одинъ говоритъ о развитіи юридическаго сознанія въ блистательномъ съ виду XIX-мъ вѣкѣ, другой говоритъ объ отсутствіи въ немъ религіознаго сознанія,—и въ этомъ Левъ Николаевичъ глубоко правъ, потому что „религіозное сознаніе“ есть прежде всего сознаніе единства съ Богомъ, людьми и природой, а культура нашего вѣка вся построена на *разъединеніи*.

На этомъ я закончу свое письмо, а въ слѣдующемъ письмѣ попытаюсь передать моимъ читателямъ, какъ я началъ понимать, съ тѣхъ поръ какъ сталъ теософомъ, самого Льва Николаевича и его значеніе для современнаго міра.

Другъ читателя.

Человѣкъ можетъ избѣжать несчастій, ниспосылаемыхъ Небомъ, но отъ тѣхъ несчастій, которыя самъ человѣкъ навлекаетъ на себя, нѣтъ спасенія.

(Восточная пословица).

Хотя мудрецъ строгъ къ себѣ, но отъ другихъ онъ ничего не требуетъ.

Когда стрѣла не попадаетъ въ цѣль, стрѣляющій винить въ этомъ себя самого, а не другого. Такъ поступаетъ и мудрецъ.

(Конфуцій).